

И.А.КУЗНЕЦОВ

О СПЕЦИФИКЕ МИФОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Отмечается научно-теоретическое значение исследования специфики мифа как особой формы видения мира, осмысления и структурирования окружающей действительности. Несмотря на существование многочисленных методологических и теоретических подходов, до сих пор не создана целостная и непротиворечивая концепция мифологического мышления. Недостаточная разработанность проблемы приводит к появлению неоднозначных и противоречивых определений и интерпретаций.

Автор рассматривает генезис мифологического мышления, отмечая, что его истоки восходят к эпохе среднего палеолита, выявляет значение данного мировоззрения для архаической культуры. В статье также выделены некоторые специфические черты мифологического мышления, рассмотрено соотношение мифа и науки.

Проблема специфики мифологического мышления является давним предметом научно-теоретической рефлексии. Хотя постановка вопроса о качественной специфике "первобытного" мышления связывается с именем представителя французской социологической школы Л.Леви-Брюля (1857–1939), теория мифа как особой формы видения мира, осмысления и структурирования окружающей действительности разрабатывалась еще со времен античности. Так, уже Платон отмечал некоторые характерные особенности данного типа мышления. Однако, несмотря на существование многочисленных методологических и теоретических подходов, до сих пор не создана целостная и непротиворечивая концепция. Исходя из противопоставления эмоционально-чувственного, иррационального и рационального уровней воспроизведения реальности, одни ученые обосновывают миф как результат действия исключительно иррационально-бессознательных пластов сознания, другие рассматривают его как следствие специфической образной объективации. Многие выдающиеся этнологи, такие как Л.Я.Штернберг, В.Г.Богораз-Тан, вообще отрицали какую-либо качественную специфику психики первобытного человека. К примеру, Л.Я.Штернберг часто отмечал, что говорить о "прелогизме" или особенной иррациональности и "мистичности" мифологического мышления могут только кабинетные ученые, никогда в действительности не видевшие так называемого "примитивного" человека [1, с. 281].

Таким образом, ввиду неоднозначности и противоречивости различных дефиниций и интерпретаций мифологического мышления дальнейшая разработка проблемы имеет большое научно-теоретическое значение.

Мифологическое мышление является первоначальной, фундаментальной формой мышления. Именно миф был первой целостной системой осмысления действительности. Миф и ритуал были для своего времени своеобразными способами удержания, хранения и передачи коллективного опыта. Российский ученый А.М.Лобок, исследуя роль мифа в истории человеческой культуры, определяет миф как фундаментальный механизм, посредством которого "создается то, что можно было бы назвать культурной сущностью человека" [2, с.196].

Корни мифа как первоначальной синкретической формы культуры уходят в глубокую древность, в первобытную эпоху, которая представляет собой один из самых значительных этапов в генезисе и эволюции человеческого общества и занимает большой исторический период. Источниками знаний о характере архаической эпохи являются археологические и палеоантропологические исследования, благодаря которым осуществляется теоретическая реконструкция первобытной культуры. Кроме того, существенную роль в теоретическом воссоздании культурного ареала архаического общества играют этнографические сведения о культуре народов, находящихся на ранних этапах своего развития, так называемой традиционной первобытной культуре, данные о которой экстраполируются, переносятся на собственно архаическую культуру. Как отмечает Е.М.Мелетинский, «этнология XX века доказала, что, во-первых, мифы... функционируют как средство поддержания природного и социального порядка <...> во-вторых, мифологическое мышление обладает известным логическим и психологическим своеобразием <...> в-третьих, мифотворчество является... своего рода символическим "языком", в терминах которого человек моделировал, классифицировал и интерпретировал мир, общество и себя самого <...> в-четвертых... миф как способ мышления специфичен для культур архаических, но... может присутствовать в самых различных культурах» [3, с. 153].

Существование некой мифологической системы представлений об окружающем мире с определенной долей уверенности можно предположить еще у *homo sapiens neanderthalensis*. Об этом, в частности, свидетельствуют захоронения в пещере Шанидар (Ирак) и гроте Тешик-Таш в южном Узбекистане. Так, знаменитое захоронение Шанидар-IV считается свидетельством существования уже в середине вюрмской эпохи (верхний плейстоцен, около 75 тысяч лет до н. э.) погребальных ритуалов с подношением цветов. Также показательным открытием А.П.Окладникова в гроте Тешик-Таш, где с захоронением была связана тематически целостная и строго организованная "звериная" композиция, свидетельствующая о "глубоком и сложном переплетении древнейшего мустьерского культа мертвых с культом животных" [4, с. 78]. Кроме того, учитывая разнообразие и широкое распространение погребений у неандертальцев в данный период, можно предположить, что традиции захоронения умерших восходят к средней или даже к ранней стадии эпохи среднего палеолита. Таким образом, как справедливо полагал А.П.Окладников, истоки "расцвета духовной культуры людей верхнепалеолитической эпохи следует искать, очевидно, еще в предшествующем мустьерском периоде" [4, с.80]. Более того, как утверждает исходя из археологических данных А.М.Лобок, мышление неандертальца – это мышление, "способное к продуцированию неканонических вариантов, а культура неандертальца – это культура вариантов" [2, с.435–436].

Специфика мифа как явления состоит не только в том, что миф представляет собой особую форму осмысления, смыслового упорядочивания и систематизации человеком предметов и явлений окружающего его мира. Миф есть также и результат коллективного творчества. Его субъектами в историческом развитии выступали различные общности. Причем миф всегда являлся отображением конкретных условий того или иного социокультурного пространства и потребностей исторического времени. В связи с этим, как отмечает Т.М.Алпеева, по-прежнему актуальной остается проблема, "является ли миф порождением индивидуального сознания, особенностей субъективно-психологической деятельности или он есть необходимый результат субъектно-объектного взаимодействия, порождаемый самим социальным бытием" [5, с. 62].

По Мелетинскому, в мифологическом мышлении «логический аспект еще слабо дифференцирован от эмоциональных, аффективных, моторных элементов, что не только облегчает "партиципации" (согласно Леви-Брюлю), но и многое мотивирует в обрядово-ритуальной практике» [3, с.166]. Тем не менее, будет неправомерным сводить все особенности мифологического мышления к факту "еще-невыделенности" человека из окружающей действительности, к недифференцированности логической мысли от эмоциональной сферы, неумению абстрагироваться от конкретного и т.п.

Мифологическое мышление уже на самых ранних стадиях оперирует некоторыми абстрактными классификаторами и проявляет тенденции к созданию отвлеченных представлений. Следует отметить и операциональную гибкость мифологического мышления, способного и к анализу, и к классифицированию. Приручение животных и развитие земледелия в эпоху неолита, переход от каменного века к бронзовому, а от него – к железному – все это, как убедительно доказывают К.Леви-Строс, К.Хьюбнер и А.М.Лобок, осуществились исключительно на основе мифологической системы опыта и мышления. Кроме того, и данные этнологии показывают, что существование развитой системы мифологических представлений никоим образом "не мешало человеку в его практической деятельности осуществлять ту приспособленность к окружающему миру, которая была, конечно, тем большей, чем меньше человек выделял себя из него" [6, с.87].

Кроме того, и познавательные возможности мифологического мышления, и общепризнанный факт исторического сосуществования мифологического и научного мышления не позволяют рассматривать "первое как несовершенного предшественника второго" [3, с.167].

Рассматривая соотношение научного и мифологического мышления в синхроническом плане как два логических "типа" или "уровня", Е.М.Мелетинский отмечает, что научное обобщение строится на основе "логической иерархии от конкретного к абстрактному и от причин к следствиям, а мифологическое оперирует конкретным и персональным, использованными в качестве знаков так, что иерархии причин и следствий соответствуют гипостазирование" [3, с.167], иерархия "персонифицированных мифосемантических комплексов" (термин А.М.Лобока) [2, с.628], имеющая семантически-ценностное значение. Научные классификации строятся на основе "противопоставления внутренних принципов, а мифологические – по вторичным чувственным качествам, неотделимым от самих объектов. То, что в научном анализе выступает как сходство или иной тип отношения, – пишет Мелетинский, – в мифологии выглядит как тождество, а расщеплению на признаки в мифологии соответствует разделение на части" [3, с. 168].

Е.М.Мелетинский отмечает специфическую целенаправленность мифологического мышления. Мифологические символы функционируют таким образом, чтобы личное и социальное поведение человека и его мировоззрение, т.е. аксиологически ориентированная модель мира, взаимно поддерживали и дополняли друг друга в рамках единой системы. Миф, подчеркивает Мелетинский, "объясняет и санкционирует существующий социальный и космический порядок" [3, с.169]. На наш взгляд, Е.М.Мелетинский, в целом правильно выразив функциональную направленность мифа, преувеличивает значение этиологической функции. Гораздо более важной нам представляется сигнификативно моделирующая функция мифа, которая заключается в создании опреде-

ленного образа действительности, санкционирующего природные, социальные и культурные явления.

Таким образом, пониманию специфики мифологического мышления во многих случаях препятствуют устоявшиеся, но крайне спорные и недостаточно аргументированные утверждения в отношении этой особой формы восприятия действительности. Вряд ли правомерно однозначно утверждать, подобно К.Леви-Стросу, что "в мифологическом мышлении работает та же логика, что и в мышлении научном" [7, с.207], однако преодоление редукционистского подхода позволит выявить новые специфические аспекты этой древнейшей и фундаментальной формы мышления.

1. *Штернберг, Л.Я.* Первобытная религия в свете этнографии: исследования, статьи, лекции / Л.Я. Штернберг; сост. С.А. Ратнер-Штернберг; под ред. и с предисл. Я.П. Алькора. – Л.: Ин-т народов Севера, 1936. – XIV. – 586 с.

2. *Лобок, А.М.* Антропология мифа / А.М. Лобок. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. – 688 с.

3. *Мелетинский, Е.М.* Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский; под ред. И.С. Брагинского [и др.] – М.: Наука, 1976. – 408 с.

4. *Окладников, А.П.* Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан / А.П. Окладников // Тешик-Таш. Палеолитический человек: сб. науч. тр. / Моск. гос. ун-т; под ред. проф. М.А. Гремяцкого, доц. М.Ф. Нестурх [и др.] – М., 1949. – С. 7–85.

5. *Алпеева, Т.М.* Социальный миф как культурно-исторический феномен / Т.М. Алпеева. – Мн.: Рекламэкспорт, 1994. – 256 с.

6. *Стеблин-Каменский, М.И.* Миф / М.И. Стеблин-Каменский. – Л.: Наука, 1976. – 104 с.

7. *Леви-Строс, К.* Структурная антропология / К. Леви-Строс; пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова; под ред. Н.А. Бутинова, Вяч. Вс. Иванова [и др.]. – М.: Наука, 1985. – 536 с.